

**Немирович-Данченко Василий Иванович**

# **Волны**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
В19

В19 **Василий Иванович Н.**  
Волны / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. –  
308 с.

**ISBN 978-5-519-99098-1**

Содержание: I. Волны; II. Ночью и днем; III. Собака; IV. На первых порах; V. Русский художник в Венеции; VI. Не от мира сего

**ISBN 978-5-519-99098-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



расы тѣни перепутавшихся листьевъ и вѣтвей колеблются и дрожать попеременно съ солнечными просвѣтами... А за этимъ сквознымъ запахомъ видны роскошныя, всею полнотою жизни вѣющія магноліи, громадныя бѣлыя цвѣты которыхъ словно отъ истома жадно раскрылись солнцу; торжественно молитвенныя, стройныя кипарисы, стремящіеся отъ земли къ глубокому синему небу, страстныя алыя розы и поблѣднѣвшія словно отъ неизмѣримаго счастья, котораго онѣ не въ силахъ вынести, большія бѣлыя лиліи... А тамъ, за ними—это море,—море съ его немолчнымъ шумомъ, море, которое съ утра до ночи и ночью точно чего-то допрашивается у молчаливой земли и допроситься не можетъ!

— Что же ты, Алексѣй! Дозваться тебя нельзя.

И на террасу вышла красивая брюнетка, слегка нахмуривъ брови, рѣзко очерченныя надъ горячими глазами.

— Я уже думала, что ты ушелъ!—недовольно проговорила она.

— Никуда не хочется отсюда...

— Да вѣдь не убѣжить отъ тебя наша терраса. И сегодня, и завтра, и послѣзавтра будетъ она здѣсь же. А тамъ завтракъ ждетъ.

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ и вошелъ въ комнаты.

— Лучше бы завтракать на воздухѣ.

— Спасибо. Я и безъ того ни на что не похожа. Загорѣла до неприличія! Да и ты облѣнился совсѣмъ. Посмотри-ка на свои мольберты—не стыдно? Въ Петербургѣ только и говорилъ, что на югѣ заработаешься и все утраченное время наверстаешь. А здѣсь...

Но онъ потянулся къ пей, схватилъ ее за руки и притянулъ къ себѣ.

— Оставь, сомнешь. Причесывалась, причесывалась...

— И еще причешенься. Не велика важность!..

— Лѣнтій!..— слабо отбивалась она.

— Здравствуйте, только васъ недоставало!...

Съ террасы въ комнату торжественно входилъ замѣчательно толстый котъ съ громадною круглою головой.

— Только васъ не хватало, Морданъ, для нашего счастья.

Морданъ отправился въ знакомый уголъ, ткнулся носомъ въ блюдечко и, не найдя тамъ сливокъ, сначала горестно изумился, а потомъ сѣлъ надъ нимъ и грустно замяукалъ.

— Видишь,—засмѣялась брюнетка,—даже Мордана заставилъ ждать.

А Алексѣй Петровичъ не отрывалъ глазъ отъ дверей, въ которыя зеленѣли виноградныя лозы, ярко блестя словно лакомъ покрытые листья магнолій и темнѣли важные, суровые кипарисы.

— Вѣдь я,—точно въ видѣ извиненія прибавилъ опъ,—вѣдь я только теперь отхожу отъ тѣхъ тумановъ, отъ того холода... Сколько лѣтъ на сѣверѣ, не види юга,—было отъ чего замерзнуть... Теперь отогрѣваюсь... Да и *то*... Развѣ *оно* прошло безслѣдно... Еще много надо дышать здѣсь, чтобы отдышаться и прійти въ себя.

При словѣ *то* она нахмурилась, низко наклонила свою голову и, только нѣсколько спустя, проговорила недовольно съ видимымъ раздраженіемъ:

— *То?*.. Значить оно еще не совсѣмъ прошло для тебя, не умерло?.. Скажите, пожалуйста, ему, видите ли, надо еще *забыть*. Какъ это *мнѣ* пріятно слышать.. Не отдышался...

— Ты несправедлива, Соня....

— Теперь, разумѣется, я же окажусь виновата.

— Да, ты не права: сучокъ сломаешь—и то въ изломѣ, какъ слеза, капля влаги проступить. А сердцу еще и того хуже. Въ изломѣ не сразу болѣть перестанетъ...

— Пожалуйста, безъ глупыхъ сравненій..... Иначе... ипаче я, право, пожалѣю, что поѣхала сюда... И оставались вы бы съ *тѣмъ*, чтобы въ изломѣ не болѣло... хороши вы были—нечего сказать.

— Ну довольно... Ты сама знаешь, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Кстати же и Морданъ на тебя такъ смотритъ, что самое каменное сердце и то бы расчувствовалось.

Котъ дѣйствительно мягко подобрался, сѣлъ у ея ногъ и не сводилъ съ нея умиленнаго взгляда. Точно проситель въ министерской пріемной.

Она расхохоталась и пошла наливать ему сливокъ.

— Идиллія, — насмѣшливо проговорилъ Алексѣй Петровичъ.

— А вамъ драмы-то еще не надоѣли?

Онъ точно прикусилъ языкъ и замолчалъ.

— Если хотите драмъ, стѣнтъ только вамъ вернуться въ Петербургъ. Онѣ васъ ждутъ тамъ...

## II.

Вилла „Дарсана“, гдѣ лѣтъ пять назадъ происходило описанное, находится едва ли не на самомъ лучшемъ мѣстѣ красивой Ялты. Она на углу набережной и Ауткинской улицы. Впереди—море, позади—горы. Домикъ весь прячется въ саду. Вдоволь тѣни и прохлады, и, что лучше всего, въ самую шумную пору здѣсь стоитъ тишина, въ которой такъ хорошо

чувствуется и думается. Когда кругомъ суматоха всю и маленькій городокъ кипитъ не надолго просыпающеюся въ немъ жизнью, а толпы петербуржцевъ и москвичей кишмя-кишатъ на его улицахъ,—на виллѣ „Дарсана“ художнику и поэту все-таки легко и привольно. Благодаря саду, которымъ она заслонена отъ цѣлаго міра, ея уединенію не грозитъ ничто. Понятно, что Верховенскій, искавшій покоя и одиночества, выбралъ именно этотъ уголокъ и замкнулся въ немъ, не ссылаясь знакомымъ. Послѣ всего пережитого ему слишкомъ тяжело было бы видѣть людей... Не они ему нужны здѣсь. Алексѣю Петровичу довольно было солнца, моря и горъ, этого вида и этой террасы!.. Лучшаго онъ ничего не хотѣлъ и второй мѣсяцъ уже прозябалъ, забытый всѣми и счастливый тѣмъ, что его тоже забыли...

Въ первые дни, какъ только онъ сюда пріѣхалъ, ему казалось, что краски и освѣщеніе юга заставятъ его работать больше, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ разставилъ мольберты, натянулъ холсты на рамы, вынулъ палитры и краски, педантически уложилъ рядомъ кисти. Короче, для будущихъ картинъ было готово все, кромѣ его самого. И души этихъ картинъ уже бродили въ его головѣ, точно ожидая воплощенія, но творецъ бездѣйствовалъ, его суббота продолжалась слишкомъ долго. Не то, что апатія напала на него—нѣтъ. Апатія художника соединяется съ недовѣріемъ къ себѣ, съ упадкомъ силъ, съ полнымъ отрицаніемъ всего уже созданнаго, и сомнѣніемъ въ томъ, что имѣетъ создаться. Верховенскій скорѣе ждалъ—чего? онъ не зналъ самъ. Ждалъ ли той лихорадочной работы, когда негодуетъ, что день слишкомъ коротокъ, а ночь чересчуръ длинна, когда мысли и образы цѣлымъ

вихремъ проносятся въ головѣ, когда все кругомъ, точно воздухъ электричествомъ, насыщается энергіей труда и творчества?.. Или онъ ждалъ, чтобы первый пасмурный день загналъ его въ комнаты, чтобы провести по полотну только начальныя два-три штриха... Онъ зналъ, что тяжелы только первыя родовыя боли созиданія. Потомъ оно идетъ съ головокружительною быстротою, потомъ уже трудно будетъ оторваться отъ мольберта, оставить кисть...

Софья Викторовна не совсѣмъ понимала это. Она думала (и мучилась), что это ея вліяніе такъ тлетворно дѣйствуетъ на любимаго человѣка, что надо ей отойти въ сторону, и онъ ощутитъ приливъ знакомыхъ силъ и возьмется за дѣло. Она нѣсколько разъ добивалась у него:

— Да вѣдь съ тою ты работалъ больше...

— Еще бы. Я прятался отъ нея въ свою мастерскую.

— Ея вліяніе не гасило же въ тебѣ этотъ *feu sacré*...

— Фу,—поморщился онъ,—ты совсѣмъ какъ провинціальная дама изъ „умныхъ“ выражаешься... Я тебѣ говорю, что отъ нея я бѣгалъ въ свою мастерскую, а къ тебѣ я спасаюсь отъ работы... Что же ты хотѣла бы лучше, чтобы я отъ тебя искалъ прибѣжища у мольберта?—смѣялся онъ ея недоумѣнію.

Но она озабоченно морщила брови и покачивала головою. Она знала, какою цѣною достался ей любимый человѣкъ. Она понимала, что искусство рано или поздно потянетъ его къ себѣ и боялась, чтобы онъ не проклялъ этого счастливаго настоящаго, такъ много отнимавшаго у него, какъ бы потомъ онъ не упрекнулъ ея. Она, принеся въ жертву ему все, не вынесла бы такого упрека. Она слишкомъ любила его для этого, и не только его, но и его талантъ.

— Скажи мнѣ, я не слишкомъ глупа для тебя?

Онъ только смѣялся ей въ отвѣтъ...

— Да что же тебѣ мѣшаетъ взяться за дѣло? Вѣдь лѣто пройдетъ, и потомъ ты самъ будешь каяться, что я увезла тебя сюда.

— „Я увезла“... Точно я—сабинянка, а ты—римлянинъ... Ты хочешь знать, что мнѣ мѣшаетъ?—Три вещи: солнце, море и горы... Горы, море и солнце... Дай приглядѣться къ нимъ; дай, чтобы они совсѣмъ сдѣлались дѣйствительностью, будними и тогда...

— И тогда ты все равно будешь изображать Аннибала въ Капуѣ. Сидитъ на террасѣ и жмурится на солнце, какъ Морданъ на сливки, когда онъ сытъ и больше ѣсть, при всемъ желаніи, не можетъ, а отойти жадность кошачья не позволяетъ... Въ самомъ дѣлѣ, когда я вспомню, какъ ты работалъ въ петербургскихъ туманахъ, даже досадно становится! Бывало, *ваша* (она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ), бывало, *ваша* Анна Алексѣевна капризничаетъ, первничаетъ, бѣсится невѣдомо отчего, а твоя милость запрется въ мастерскую и съ какимъ-то отчаяніемъ мажетъ кистью свои полотна... Ахъ, какая это пошлая женщина! Какъ вы, вы могли столько лѣтъ прожить съ нею? И какъ прожить! Такъ поддаваться ея вліянію, такъ служить ей, именно служить... Зная всю ея глупость, всю ея пошлость! Фи!..

И Софья Викторовна даже разозлилась.

— Ты, кажется, ревнуешь къ прошлому?

— Я?.. Къ ней, къ *вашей* Аннѣ Алексѣевнѣ? Полпоте, я не понимаю, какъ я полюбила васъ. Сначала вы мнѣ просто жалки были... До той выставки—помните... А потомъ, послѣ вашего торжества, я окончательно спуталась, не понимая, какъ вы, вы—сила,

талантъ, могущество и можете прыгать на заднихъ лапахъ передъ такою будничною и пошлою дрянью.

Верховенскій поморщился.

— Что, непріятно?

— Нѣтъ. За тебя очень досадно, развѣ можно такъ брачиться.

— Надѣюсь, въ данномъ случаѣ ты не за насъ обидѣлся?

— Нѣтъ, за тебя! Повторяю тебѣ...

— А вѣдь ты знаешь, что я проплакала цѣлый вечеръ, вернувшись отъ васъ, послѣ той сцены, когда эта... эта... ваша Анна Алексѣевна, заставила васъ играть такую жалкую и глупую роль!.. А какъ все потомъ случилось, я не понимаю, точно туманомъ заслонило эти нѣсколько недѣль, вплоть до той минуты, когда мы вмѣстѣ съ тобой сидѣли въ вагонѣ и ѣхали сюда на югъ.

— Ну, такъ пусть этотъ туманъ уже и все заслонитъ собою, что было. Для насъ началась новая жизнь, надо быть великодушнымъ и забыть старое...

### III.

Солнце, море и горы были хороши при всѣхъ условіяхъ и во всѣ часы дня. Налетитъ ли вѣтеръ и нагонитъ тучи съ юга—лиловые утесы потемнѣютъ, море нахмурится и солнце только порою словно зажигаетъ на немъ пожары, прорвавшись въ узкіе просвѣты, въ которые тепло и ласково голубѣетъ небо... Застойся ли солнце въ полдень надъ напосенною его зноемъ и истомившеюся землею—горы точно вздрагиваютъ въ яркомъ свѣтѣ, и скалы ихъ издали кажутся раскален-

пыми—до того горячи ихъ краски... Вечеромъ, когда прощальный отсвѣтъ ложится на нихъ, ихъ вершины горятъ, словно костры, и ночная синея, какъ темный бархатъ, одѣваетъ ихъ склоны... Море меркнетъ, меркнетъ и гаснетъ наконецъ, чтобы засвѣтиться опять, но уже медлительнымъ, таинственнымъ и мечтательнымъ сіяніемъ мѣсяца,—мѣсяца, обращающаго южную благоуханную почву въ какое-то волшебное, фантастическое царство сказочныхъ прелестей и неуволимыхъ чаръ... Алексѣй Петровичъ такіа почвы любилъ больше всего. Несмотря на ворчанье Софьи Викторовны, звавшей его домой, онъ упорно оставался сидѣть у моря. Онъ уходилъ со своей террасы и изъ своего сада на набережную, гдѣ была у него любимая скамейка. Позади смутно обрисовывались магноліи и кипарисы виллы „Дарсана“: впереди, неустанныя, неугомонныя, набѣгали волны одна за другою... Алексѣй Петровичъ слѣдилъ за ними... Волна едва-едва намѣчивается впереди темный гребень... Онъ растетъ и растетъ... Точно пухнетъ за нимъ волна... По его краю всплываетъ бѣлая кайма... Еще нѣсколько мгновений—и подъ ногами Алексѣя Петровича, круто выгибаясь, вдругъ подымается набѣжавшій валъ, съ глухимъ и зловѣщимъ грохотомъ разбивается о береговой выступъ и отбѣгаетъ назадъ, обезсиленный, съ однообразнымъ шорохомъ, сдвигая мелкіе камни... Только бѣлая кайма его пѣны одна остается на отмели, умирая въ фантастическихъ узорахъ. А тамъ, впереди, рождается на смѣну другая волна, еще темнѣе, еще круче, еще величавѣе... Алексѣй Петровичъ сначала любовался ими, потомъ безсознательно сталъ ихъ слушать. Именно безсознательно. Ударъ за ударомъ, грохотъ и шорохъ, журчаніе мелкихъ отбѣгающихъ струекъ, всплески встрѣтившихся гребней—

вся эта музыка моря мало-по-малу давалась ему, и чѣмъ онъ меньше о ней думалъ, тѣмъ болѣе понималъ ее... Собственно говоря, въ такія минуты умъ его былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Въ головѣ пробѣгали тысячи мыслей, рождались, жили и умирали образы изъ прошлаго, грезы о будущемъ—и рядомъ немолчно говорило море, всегда попадая въ тонъ ему, никогда не нарушая его покоя, никогда не отгоняя его воспоминаній и не противорѣча его мечтамъ... Оно, какъ хорошо сыгравшійся оркестръ, только оттѣняло исполнявшуюся въ его душѣ вокальную пьесу. Волна за волною, ритмическія и звучныя, неслись къ нему съ цѣлыми вереницами новыхъ образовъ, думъ и впечатлѣній... А мѣсяцъ задумчиво свѣтилъ съ осіяннаго имъ неба и тихія кроткія звѣзды мерцали въ дивныхъ глубинахъ... Иногда, далеко - далеко, среди морского простора, загорался желтый огонекъ. Какое-нибудь суденышко шло мимо... Часто на свѣтломъ бликѣ луннаго отраженія вдругъ, чернѣя вся, вырисовывалась неожиданно вѣхавшая въ него лодка. На минуту, тоже черная, рѣзко выдѣлялась надъ нею фигура гребца, чтобы вмѣстѣ съ лодкой въ слѣдующее мгновеніе исчезнуть въ сумрачномъ морѣ... безъ слѣда... И опять мысли за мыслями, волны за волнами... И въ мысляхъ и въ волнахъ были одни и тѣ же, ритмическія, правильныя, одни и тѣ же гармоническія сочетанія. И когда Алексѣй Петровичъ, наконецъ, вставъ, шелъ къ себѣ, вслѣдъ долго еще говорили понятныя ему волны... Онъ затворялъ желѣзныя сквозныя дверцы виллы, входилъ въ тихій и теплый мракъ аллея, гдѣ сильно пахло кипарисами и цвѣтами магнолій... Онъ терялся подъ ними, сливался съ тьмою, изъ которой только вверху выдѣлялись осіянныя вершины деревьевъ,

а волны все продолжали говорить ему. Даже когда въ постели онъ смыкалъ усталыя вѣки, ему чудился тотъ же спокойный и могучій шумъ моря... Часто, когда поднимался вѣтеръ, море становилось грознымъ; словно чѣмъ-то недовольныя, волны вырастали и съ бѣшенствомъ неслись въ спокойные берега. Будто испуганныя ихъ стихійною угрозой, безпомощно колыхались вершины кипарисовъ, шумѣли листья магнолій и на террасѣ трепетали виноградныя лозы и цѣпкія вѣтви плюща... Когда въ такія ночи Алексѣй Петровичъ сидѣлъ на своей любимой скамьѣ у берега, ему казалось, что валы именно на него несутся съ неудержимою силою, что они сметутъ его прочь и увлекутъ съ собою въ хмурое и одичавшее море... Но они только бросали въ лицо ему свои брызги и пѣну и уходили прочь, довольствуясь его бессознательнымъ страхомъ...

— Долго ты еще будешь сидѣть здѣсь?—приходила къ нему Софья Викторовна.

Онъ словно просыпался, съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и, только узнавъ ее, спрашивалъ:

— А что?

— Мнѣ одной жутко и скучно... Пойдемъ...

И онъ шелъ чрезъ колыхавшійся и шумѣвшій тоже подъ вѣтромъ садъ, чрезъ аллеи, полныя теперь шороха и призрачнаго движенія, на террасу, по мрамору которой бѣгали бѣлыя пятна луннаго свѣта, прорывавшагося сюда сквозь колеблющіяся завѣсы оцѣпившей ее отовсюду зелени...

— Что ты тамъ сидишь одинъ? — ревниво спрашивала Соня.

— Я не одинъ,—смѣялся онъ.

— Съ кѣмъ же ты?